

КОМПО НА ЗНАЮ? ЛИБЕ ЛАЛ ПОУХОНИМНОЕ НЕСЛО?

О СТАНИИУНИАЛР ЛАВОВ ЛАБВ И ОАУА ИМБЛР ВРО ВСЕХ ЛЕДИМБЕХ... ВОД

ПРОВОДНО УСТРОЙСТВО ЛАВ... \ОЛВЕННВРОЕ НЕВЕКОНИРН ПОКЛОН\ ЗВЛАВВ

ЛИБЕ ЛАЛ ПОУХОНИМНОЕ НЕСЛО? ЛИБЕ ЛАЛ ПОУХОНИМНОЕ НЕСЛО?

Лит. газета. - 1992. - 2 сент. (N 36) - с. 5

Этюды

Андрей
ШВЕДОВ

Я люблю (губами впившись в строчки) отделить для сердца главное. Все, что изведаль, всегда с собой иметь и невозможно, и ненужно. Забвение — защитная реакция души. А главное — своя Нагорная проповедь — есть у любого творца.

Набоков был последним моим увлечением. «Покрывалочком», расставил слова строго по порядку и убрал лишнее. После его второго серьезного прочтения в конце восьмидесятых я новой рукой переписал все свои вещи, и далее уже буду работать только так. NB. Переписал прозу, стихи не переписываются.

Вот этот язык, вот «сердце в сердце», вот отцеженное, вот то, в чем через век пахнула пушкинская свежесть. Роман — «Подвиг». Рассказ — «Весна в фиалте». Стихотворение — «Расстрел». Проникновение (эссе) — «О Ходасевиче».

Сам Набоков думал иначе. Но художник почти никогда не видит (да и не надо) себя самого. Проектор идущего поезда, как сказал Пастернак, должен быть направлен вперед, а не внутрь, иначе произойдет катастрофа.

Выделенные автором вещи — «Лолита» и «Приглашение на казнь», — написанные от лица маньяка и шизика (плюс талант создателя), конечно, теряют в главном: в дарованном восприятии мира высшей горней частью русской души. Этот дар (тоже конечно) освещает весь путь. Но с переходом на английский он, как дни уже в конце июня, увя, чаруя нас, идет на убыль.

Еще у Набокова — первого русского писателя, занявшегося стилем и сразу ставшего первым в этом деле, — есть удивительная нота. Уже в поздних романах, выкатывшаяся мячиком сиреневой нежности, к которому сам прикоснулся-то робел, любовь к ребенку. «Bend sinister», «Пнин» — подобья нет ни у кого. Я знаю это отношение к сыну. И тоже боюсь прикасаться к нему...

И еще — всего-то пара слов — есть цирк. И уж тут-то, казалось бы, откуда взятсь родственному. Но все-таки с детства впитанная работа, умелым повторением движений укрепляющая мышцы, ощущение прелести, когда кожа книжных переплетов мешается с кожей боксерских перчаток, на чуткой графеной душе не могла не блеснуть. Хотя бы одной каплей дождя на ладони.

И звуки трубы и цитры, и маленький пони с очень большой челкой, и младенческие колени слонов на тумбах, и клоун с зонтиком все с теми же звездами: воспоминание о небесной родине циркачей. Небольшое, но точное пере-

числение чудес, которыми пропитано мое детство и что роднит нас, навсегда прикованных к белому листу, с движениями мима, чьи усталые шаги до сих пор хранит Самотека и Цветной бульвар. У него тоже кожа книжных переплетов лежала вместе с кожей боксерских перчаток.

Осень! Какими словами осыпана ты и что мне сказать? Запоет, затоскует Загорянский сад, закружатся обезумевшие флоксы, я упаду на землю возле старой лавочки, вдыхая запах жженой травы, и буду есть, есть этот свиток, имя которому горе, и плач, и тоска и который, как мед, сладок у меня на устах...

Повторю: художнику свойственно (и это часть его прелести) не замечать и не ценить в себе главное. Оно досталось ему даром. Тем не менее, указывая на последние романы. Набоков сам говорил, что лучшие места — о ребенке. Но это было несколько другое. Этот подарок предначинался уже самой созревшей и истосковавшейся жизни...

Как немногие (почти никто), Набоков произносил слово «Пушкин». И в этом произношении (имеющий ухо — да слышит!), в постановке, в рассуждении имени и было то высшее, то верное понимание Пушкина: снега, дороги и четырехстопа. А вовсе не в многословном комментарии к «Онегину», в общем, самообманном.

И любимый писатель Гоголь был еще и потому любимым, что в России он по-настоящему любил только Пушкина.

Мастер был одарен талантом счета. Поэтому он играл в шахматы и, как поэт, завидовал Пастернаку. Он ловил бабочек. Поэтому их чудные крылья (скобки) порхают по его страницам. Он жаждал подвига и был аристократом. Его герои часто идеальны, а остальным — усмешка превосходства, он видит тоньше, дальше, чем они. Его корбит от грязной по стилю добродетели, и он понимает, что спасение мира всерьез — моветон. Он не любил и не считал достойным перекладывать на бумагу свою и окружающую его жизнь. Поэтому он не Марсель Пруст.

Но он любил женщину, И — опять же назовем по лучшей, Зина Мерц — найдем ли мы прелестней, чем она? Любовь — это тоже стиль.

Голос Набокова (как я и ожидал, микшированный Вертинский) завершает образ в си-миноре. И мы бережно ставим последнее украшение на нашу (так обедневшую к тридцати пяти годам) обшарпанную полку.